

Убеждающая простота

Хенрык Миколай Гурецкий – композитор-легенда. Прекрасная легенда в духе XIX столетия о том, как к автору пришло долгожданное всенародное и всемирное признание. Поразительно то, что случилось это всего десять лет назад, на исходе столетия, когда серьезная музыка утратила всяческий авторитет в обществе масс. Его симфонию без конца транслировали по радио, диски с ней продавались лучше, чем любой симфonia-попс, завистники умирали от разлития желчи, а эпигоны вострили перья.

Слухи об этом исключительном событии лишь доходили до Москвы, и теперь мы смогли услышать музыку Гурецкого своими ушами – впервые в России, в Большом зале консерватории состоялся авторский концерт композитора, организованный “Дирекцией концертных программ” при участии министерств культуры Польши и России, посольства Польши и Института Адама Мицкевича в Варшаве. Сам Гурецкий не смог, к сожалению, приехать – однако его музыку представляли замечательные музыканты, в том числе его дочь Анна, пианистка. Она блестяще сыграла лаконичный, но очень эффектный концерт (собственно, по жанру – токкату) для фортепиано и струнного оркестра, написанный отцом. Главным номером программы, несомненно, являлась “та самая” Третья симфония – “Симфония скорбных песен” – для сопрано и оркестра.

В симфонии – без малого час музыки в темпе от очень медленного до умеренного. Очень простые и печальные формулы-максимы повторяются бесчисленное количество раз, будто в некоем забытом. Музыку эту совершенно нельзя назвать “красивой”. Скорее – она просто благозвучна, несмотря на исключительно мрачный колорит, лишь к концу сменяющийся ровным, ярким светом мажорных аккордов. Но за этим благозвучием, которое мы до сих пор склонны понимать всего лишь как то, что автор говорит с нами традиционным языком, – сильнейшее внутреннее напряжение, идущее от эмоционального строя его ранних авангардистских опытов.

Дирижер Войцех Михневский, стоявший в тот вечер за пультом, признавался, что оркестрантам очень сложно играть эту музыку. Не только руки болят от напряжения, музыка эта не дает исполнителям расслаб-

ляться и плескаться в волнах бесконечных повторов. Так же она мучает слушателя. В этом принципиальное отличие Гурецкого от американизированного, минималистического мейнстрима, который повторяет простые формулы для того, чтобы завлечь и очаровать, отключить сознание. Гурецкий же – для того, чтобы убедить нас.

Все предельно ясно: вот это – тень, а это – свет; переход от одного к другому внезапен и не предполагает среднего. В страстности, с которой он убеждает нас в этом, – след личности самого автора, резкого, колючего, “неудобного” и руководствующегося лишь острейшим внутренним побуждением (многие из современных ваятелей “псевдонаивов” и мечтать не могущие о таком успехе, еще смеют недоумевать – почему Гурецкий не занялся коммерцией? Наивные, наивные искушенные люди...). И здесь же следствие укоренности Гурецкого в традиции общевосточной и собственно польской. Поразительно, но уже с самых первых тактов открывшего программу “Концерта-кантаты” для флейты с оркестром (солистка – Ядвига Катовска) можно было безошибочно определить то, что это именно польская музыка, при том что прямых обращений к языку, на котором говорили Шопен или Шимановский, у Гурецкого не найти.

В игре оркестра МГАФ под управлением Михневского традиционная, все более устаревающая, как кажется, оркестровая выразительность была на своем месте (несмотря на отдельные помарки), – а ведь соблазн трактовать эту музыку “стильно”, в ажурно-историческом, утонченно-эстетском ключе всегда велик. И голос Изабелы Клосиньской был бесконечно далек от воздушного бельканто: в нем слышались и плач, и надрыв, а его тембр прекрасно сливался с грубоватым, нарочито нефиллированным звучанием низких струнных... Все эти составляющие исполнения лишь подчеркивали необычайную для конца XX века духовную силу композиторского высказывания, исключительную внутреннюю и вовне простирающуюся, достигающую до сердец слушателя свободу его музыкальной мысли. А это то, что как раз и делает успех не фальшивым, но подлинным. То, что заставляет нас по сей день верить в чудеса.

Федор СОФРОНОВ

Кувальда, - 2004, - 5 - 11 февр. - с. 13